

Мажитова Ж.С.

д. и. н., доцент, профессор кафедры
гуманитарных дисциплин Университета «Астана»,
Казахстан, г. Астана, e-mail: mazhitova_69@mail.ru

**ОБРАЗ СРЫМА ДАТОВА В ТРУДАХ М.П. ВЯТКИНА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ
И ИХ ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ**

В статье рассматривается вклад М.П. Вяткина в исследование одной из сложных тем по истории казахского общества, касающееся народно-освободительного движения под руководством батыра-бия Срыма Датова. Ученый, отмечая активное участие широких масс кочевников в движении, объясняет данное обстоятельство наличием патриархально-родовых пережитков и осознанием казахским народом бия в качестве авторитетного лица, непререкаемого судьбы, то есть той фигурой, которой априори казахи доверяли свои кровные интересы и заботы. Автор отмечает, что М.П. Вяткину удалось, несмотря на наметившуюся в то время в советской историографии тенденцию, относить всех биев к классовым врагам советской власти, показать движение под его руководством как народное и освободительное.

Ключевые слова: История Казахстана, народно-освободительное движение, М.П. Вяткин, Срым Датов, институт биев, батыры.

Mazhitova Zh.S.

doctor of history, associate professor, professor in humanitarian
disciplines at «Astana» University,
Kazakhstan, Astana, e-mail: mazhitova_69@mail.ru

**Srym Datov's image in M.P. Vyatkin's works:
theoretical and methodological installations and practical embodiment**

The article reviews the influence of M.P. Vyatkin on the research of one of the most complicated issues in the history of Kazakh society related to the national liberation movement led by Srym Datov. The researcher admits active participation of many common nomads in the movement and explains it as the consequence of patriarch-tribal anachronisms and the recognition by the Kazakhs of the biy's decisive authority as a judge, i.e. the figure of trust for vital interests and needs of the Kazakhs. The author states that M.P. Vyatkin showed the national and liberation character of the movement despite the trend in the Soviet historiography to consider biys as the class enemies of Soviet government.

Key words: history of Kazakhstan, national-liberation movement, M.P. Vyatkin, institute of biys, batyrs.

Мәжитова Ж.С.

«Астана» университеті гуманитарлық пәндер кафедрасының
профессоры, т. ғ. д., доцент, Қазақстан, Астана қ.,
e-mail: mazhitova_69@mail.ru

**М.П. Вяткиннің еңбектеріндегі Сырым Датұлының кейпі:
теориялық-методологиялық қондырғылар және оларды іс жүзіне асыру**

Мақалада М.П. Вяткиннің қазақ қоғамы тарихының күрделі тақырыптарының біріне, яғни батыр Сырым Датұлының басшылығымен жүргізілген халық-азаттық қозғалысына қосқан үлесі қарастырылады. Ғалым көшпенділердің қозғалысқа белсенді қатысқанын ескере отырып, бұл

жағдайды патриархалдық-рулық қалдықтар мен қазақ халқының биді, талассыз төрешіні, яғни қазақтар өздерінің басты мүдделері мен қамқорлықтарын сендіретін беделді адам ретінде тануы деп түсіндіреді. Автор М.П. Вяткиннің кеңестік тарихнамада сол кезде барлық билерді кеңес өкіметінің тап жауы ретінде жатқызатын тенденцияға қарамастан, оның басшылығында жүргізілген қозғалыстың халықтық және азаттық болуын белгілейді.

Түйін сөздер: Қазақстан тарихы, халық-азаттық қозғалыс, М.П. Вяткин, Сырым Датұлы, билер институты, батырлар.

Введение

С середины 1930-х гг. начинается сложный и противоречивый этап в развитии исторической науки Казахстана. Характерной чертой этого периода являлось утверждение классового подхода, который призван был объяснить все события исторического прошлого. Советские ученые к этому времени практически отходят от научной полемики, характерной для 1920-х годов, подвергающей сомнению пятичленную формационную схему. В теоретизировании истории Казахстана произошел методологический поворот, в частности, он коснулся оценки имперского периода России. Так, колониальное прошлое и вхождение народов окраин в состав Российской империи стали рассматривать как «наименьшее зло». При этом под «вхождением» чаще всего подразумевалось добровольное присоединение.

В это время перед республикой стояла задача институционализации науки, воспитания новых кадров национальной интеллигенции, которые путем теоретического обоснования марксистской методологии внедряли бы в массовое сознание коммунистические идеалы. Значительным событием стало создание в республике в 1932 г. Казахстанской базы Академии наук СССР (с 1938 г. Казахстанский филиал АН СССР.).

В эти годы разработкой проблем социальной и политической истории казахов занимались представители разных областей гуманитарных знаний, строившие свои работы на основе широкого вовлечения в научный оборот разнообразных по содержанию и характеру историко-юридических и этнографических данных. Появляются первые обобщающие исследования, в которых раскрываются вопросы исторического развития кочевых племен, населявших территорию Казахстана с древности до момента окончательного установления советской власти. Следует отметить, что на тот момент в исторической науке еще не оформился подход к изучению и описанию собственно советского периода. Для исследователей характерен научный эскапизм – сознательный уход в исследование досоветского периода истории.

Теоретико-методологические партийные установки и политический заказ власти оказали глубокое влияние на тематику исторических работ. В них значительное место заняли проблемы истории народов СССР, что положительно сказалось на состоянии изученности многих исторических наук и привело к появлению разнообразных работ советских ученых по вопросам социально-политической и этнической истории, в том числе казахов (Иванов, 1935; Краткий курс, 1937).

Одни авторы, мнения которых не соответствовали этим идеологическим клише, подвергались «разоблачениям», обвинялись в космополитизме и национализме. Другие в угоду власти вынуждены были «пересматривать» свои научные взгляды, наполняя их каноническими установками из работ классиков марксизма-ленинизма. Но, несмотря на это, в рассматриваемый период были созданы фундаментальные работы, которые и сегодня по праву можно назвать «эталонными» в разработке узловых проблем истории Казахстана.

В 1933 г. был создан Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР, который направил усилия ученых на изучение этнографического и археологического наследия многонационального советского государства. Кадровый потенциал ведущего научного учреждения Казахстана был усилен в годы Великой Отечественной войны за счет эвакуированных на территорию республики крупнейших ученых из центральных регионов Советского Союза. Обращение этих ученых к теме национальной истории республик, в которой не последнюю роль играли вопросы национально-освободительной борьбы казахского народа в XVIII–XIX вв., нашло отражение в первых академических изданиях по истории Казахстана. В них национальными героями становились представители «эксплуататорского» класса – ханы, бии, батыры, родовые предводители.

В конце 1930-х – 1940-е гг. появляются первые научно-справочные издания по Казахстану, в которых вышеобозначенные партийные установки получили содержательное воплощение

(Казахская 1938; Казахская 1939; 20 лет Казахской 1940; 20 лет Казахстана 1940; Казахская 1941). В них Казахстан изображался как бывшая колония Российской империи, которая смогла «под руководством партии Ленина-Сталина, сбросить своих поработителей» (Казахская 1938: 6).

Однако в конце 1940-х годов становится доминирующей сталинская концепция по национальному вопросу. В статье «Как понимает социал-демократия национальный вопрос», написанной в 1904 г. на заре политической карьеры великого кормчего страны, все самое важное выделено самим автором. Кавычки по отношению к формуле «добровольное присоединение к России» поставлены также И.В. Сталиным. Намного позже, в 1940-х гг. эта работа будет использоваться при написании учебников по истории СССР без кавычек и выделений как общепризнанная аксиома, не требующая доказательств.

Согласно этой теоретической выкладке, в основу которой было положено высказывание Сталина о «национальном вопросе», движение грузинского дворянства против «присоединения Грузии к России» определялось И.В. Сталиным как феодально-монархический «национализм». Приведем слова самого автора: «После «присоединения Грузии к России» грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него терять старые привилегии и могущество, которые оно имело при грузинских царях, и, считая «простое подданство» умалением своего достоинства, пожелало «освобождения Грузии» (здесь и далее подчеркнуто автором. – И.В. Сталиным). Этим оно хотело поставить во главе «Грузии» грузинских царей и дворянство и передать им, таким образом, судьбу грузинского народа! Это был феодально-монархический «национализм»» (Сталин 1946: 32).

Сталинское высказывание о грузинском «национализме» переносилось на историю освободительных движений всех народов окраины Российской империи. Поэтому вполне закономерно, что этот методологический постулат применялся как определяющий в историографии освободительных движений казахов, возглавляемых представителями казахской родовой верхушки – «дворянами», как реакционные, преследующие узкородовые, клановые интересы.

Сложившаяся ситуация в науке привела к серии разоблачительных статей в адрес тех ученых, чьи работы «неверно», с «националистических позиций» освещали освободительные выступления казахов. Идеологическая война с

«националистами» в первую очередь коснулась ведущих советских специалистов по данной проблеме Е.Б. Бекмаханова, М.П. Вяткина. Именно в это время тональность работ, посвященных родовым предводителям, начинает меняться в сторону отрицательных характеристик. Более того, эта тема постепенно начинает отходить на задний план не столько из-за неактуальности, сколько по причине увеличения вероятности для ученых оказаться в числе опальных официального режима.

С тех пор если одни темы в науке начали табуироваться, то другие, наоборот, получали новое дыхание, ставились «на поток». Так, в Казахстане, впрочем, как и во всем Советском Союзе, наряду с военной тематикой исследователи стали чаще обращаться к трудовым подвигам советского народа в тяжелое послевоенное время, освоению целинных и залежных земель, союзу рабочего класса с крестьянством. В целом, история советского государства заняла значительное место в историографии тех лет.

Еще одно «увлечение» историков связано с изучением истории КПСС: произведений руководителей партии, материалов съездов, партийных документов и т. п. Можно сказать, что с этого времени историю советского общества начинают писать под девизом «от съезда к съезду» (Так, в каждом номере журнала «Известия АН КазССР. Серия общественных наук» в 1976 г. был обязателен раздел: «Навстречу XXV съезду КПСС», или «Исторические решения XXV съезда КПСС – в жизнь». В 1981–1984 гг. – «Актуальные проблемы коммунистического строительства в свете решений XXVI съезда КПСС» – авт.). В статьях ведущих историков прямо указывалось: «История – это партийная наука, ученые... не должны заниматься историей для истории. История – это... наука о прошлом, помогающая выработке и осуществлению современной партийной политики» (Нечкина, Поляков, Черепнин 1961: 70).

Такой крен в исторических исследованиях привел к появлению в работах ученых большого количества цитат из работ классиков марксизма-ленинизма, к утверждению цитатнического метода: его применение стало своего рода «партийным мандатом» – разрешением ученому на опубликование своего исследования.

Общие тенденции в развитии советской науки были характерны и для Казахстана. Изучение истории советского общества, которое «под руководством Коммунистической партии добилось грандиозных успехов в деле построения

социализма» и т. д., всегда поддерживалось партийными органами и создавало новые идеологические клише.

На фоне всеобщего обращения к Ленину, съездам КПСС, партийным документам и т. д. иногда все же активизировалась полемика по конкретно-историческим вопросам, в которой слышались отголоски прежних научных баталий.

Методы

Одним из требований к исследователям современной исторической науки является поворот от описательного стиля к методологическому анализу исторических фактов, от простой констатации исторических событий к сравнительному анализу материала. Данный подход помогает исследователю выявить лакуны в изучаемой теме, те или иные стороны исторического процесса, которые в силу разных конъюнктурных или иных причин остались вне поля зрения ученого, объективно сопоставить их и на основе этого определить перспективы будущих исследований.

Исследование базируется на общенаучном принципе историзма, предполагающего преемственность в исторических явлениях, неразрывную связь прошлого и настоящего. Подобный метод позволил рассматривать научное знание как целостную систему, в которой каждый предшествующий подход косвенно или прямо влиял на последующий, что в совокупности позволило составить систематический ряд научно-теоретических выкладок по государственно-религиозным отношениям в советский период.

Исследование так же основано на другом общенаучном принципе – объективности, требующем рассмотрения всех сторон предмета исследования вне зависимости от этнокультурных предпочтений и политических пристрастий историографа. Этот принцип опирается на необходимость тщательного сопоставления исторических фактов и явлений в совокупности, то есть всестороннего изучения проблемы. В свою очередь это позволит исследователю избежать предвзятого отношения при интерпретации источников и сделать верные обобщающие выводы по проблеме.

Результаты

Анализ проблемы, вынесенной для исследования, имеет мультидисциплинарный характер.

Предложенный в статье теоретико-методологический подход при изучении советской историографии национально-освободительных движений может быть использован при написании фундаментальных, комплексных и специальных трудов по истории Казахстана, Центральной Азии, России и др.

Материалы статьи, касающиеся вопросов историографического анализа трудов М.П. Вяткина, могут быть применены при написании исторических, историографических, юридических и других гуманитарных исследований по теоретико-методологическим проблемам истории стран советского периода.

М.П. Вяткин и его взгляд на движение казахов Младшего жуза под руководством Срыма Датова

Одной из таких приоритетных тем, исследование которой было начато в 1940-х гг., стала проблематика освободительных движений казахов. Появляется немало работ, в которых предпринимаются попытки раскрыть закономерности причин и ход народных выступлений, выявить социальный состав участников, цели и задачи каждой политической силы. В этом направлении бесспорно выделяются фундаментальностью работы профессора М.П. Вяткина (1895–1967) о социальной истории казахского общества (Вяткин, 1940; Вяткин, 1941; Вяткин, 1945; Вяткин, 1974), о батыре Срыме (Вяткин, 1941; Вяткин, 1947), который был бием рода байбакты, богатым родоправителем, руководителем одного из самых значительных выступлений казахов в Младшем жузе в последней четверти XVIII в. (1783–1797). Полагаем, что выход монографии стал важным историографическим событием, так как заложенный ученым теоретико-методологический подход к изучению народных выступлений стал основополагающим не только для советской, но и для современной историографии.

М.П. Вяткин при исследовании этого движения столкнулся, на наш взгляд, с рядом трудно разрешимых задач: во-первых, руководителем движения являлся представитель привилегированного, зажиточного сословия, а между тем, ученый при характеристике этого выступления называет его антиколониальным и *антифеодалным*. Объяснение объективных и субъективных побудительных мотивов руководителя движения для выступления против той части общества, представителем которой он сам являлся,

учитывая, что в «Кратком курсе» ученым вменялось в обязанность «не сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев» (История, 1938: 154), мы полагаем, вызывало у автора методологические трудности. Во-вторых, неоднородность движущих сил на разных его этапах приводила к изменению «политической программы» руководителя и его сторонников, поэтому ученому предстояло объяснить, каким образом Срыму Датову удавалось сохранять баланс политических сил и на протяжении длительного времени (14 лет) оставаться признаваемым народным лидером, в конце концов, свергнуть ханскую власть, т. е. совершить своего рода «революцию», учитывая, что он не был пролетарием и, уж тем более, большевиком. В-третьих, характеризуя выступление шаруа как народное, крестьянское, М.П. Вяткин в то же время показывает, что бии, старшины, султаны и другие привилегированные группы не были случайными «попутчиками», они выступали совместно с крестьянскими массами, выражая и преследуя общие с ними цели.

Надо отметить, что ученому в целом удалось решить возникшие научные задачи путем скрупулезного анализа сложившейся социально-политической и экономической ситуации в Младшем жузе в XVIII в. Нас заинтересовала та часть исследований М.П. Вяткина, в которой предпринята попытка дать развернутую характеристику сложившихся общественных отношений у казахов. Ученый, исследуя классовую структуру казахского общества XVIII в., выделяет два основных класса: «с одной стороны, феодалы, в лице султанов – старой кочевой аристократии, и родовой знати в лице биев, батыров, мурз, тарханов и, с другой, феодально-зависимых масс трудящихся казахов» (Вяткин 1947: 378). Важно заметить, что М.П. Вяткин, не будучи знаком с архивными материалами Оренбургской пограничной комиссии (Такой вывод позволяет сделать приведенный в монографии обзор источников. Речь идет об отчетах 1846 г. чиновников Оренбургской пограничной комиссии Аитова, Белозерова и др., в которых были представлены материалы об обычном праве казахов. – Авт.), предлагал дифференцированно относиться к этому «видовому, а не родовому понятию». Так, те бии, которые с 1787 г., когда российское правительство ввело в Младшем жузе особую должность «родовых старшин», стали именовать биями-старшинами, или просто старшинами, скорее всего, принадлежали к знатым и влиятельным семействам. В то же время ученый считал, что сословная груп-

па биев в казахском обществе была открытого типа, т. е. «звание бия мог получить и казах, не принадлежавший к родовой знати. Мы должны таких биев – добровольно признаваемых судей – отличать от биев-старшин» (Вяткин. Очерки 1941: 111). Такой вывод очень важен для понимания особенностей выступлений казахских шаруа, учитывая, что наметившаяся в то время в советской историографии тенденция относить всех биев, старшин и т. д. к классовым врагам советской власти не позволяла объективно обрисовать сложность и противоречивость отношений различных групп, скрепленных родовыми отношениями. Отчасти такой подход ученого объясняет активное участие биев в этом движении.

По мнению автора, наиболее трудно объяснимым термином является «бий», корни которого, на основе сравнительного анализа тюркских источников, он относит к доказахскому прошлому общества Дешт-и Кыпчака. Так, например, он пишет: «В хронике Муниса «Рай счастья» Узбек-хан (1312–1340), чтобы отличить принявших мусульманство нойонов, присвоил им тюркское звание «бек»» (Вяткин 1947: 107). Далее, вновь ссылаясь на этот источник и материалы дореволюционной российской историографии, М.П. Вяткин приходит к убеждению, что бии в казахском обществе являлись не столько представителями «родовой демократии» (хотя ученый этого не исключает), сколько родовой знатью, захватившей в свои руки управление государством, позволив им создать привилегированную группу родовой знати и прямым образом влиять в своих интересах на верховную власть. Подтверждая свой вывод, М.П. Вяткин пишет: «Ни одного сколько-нибудь значительного решения хан не мог принять без согласия старшин. Когда хан обходил решения собрания, это вызвало протест со стороны старшин. Феодальным «правом совета» старшины крайне дорожили». Более того, осознание своего значения и авторитета среди кочевников и боязнь потерять их привели к конфликту: «Одной из причин возмущения старшин ханом Нуралы в 80-х гг. XVIII в. было то, что хан в практике управления отказался признавать это право за старшинами» (Вяткин 1947: 149–150).

Остановившись в своей работе на вопросе наследственности бийского звания, ученый говорит о появлении такой тенденции в XVII в. Однако, как правильно подмечает М.П. Вяткин, генеалогическая близость претендента на это звание к бийскому сословию не означала автоматического признания общиной его в этом ка-

честве. Звание бия было почетным, и желание со стороны родовой знати создать замкнутую наследственную группу говорит, скорее всего, о наметившемся стремлении самого бийского сообщества.

Большое внимание ученый уделяет раскрытию специфики национально-освободительных движений казахов. Интерес ученого вызван желанием связать классовые противоречия в казахском обществе как причину народных выступлений с наличием различных форм патриархально-родового быта: родовая ответственность сородичей за каждого своего члена, делегирование интересов общины ее родовым представителям, регулирование общественных отношений нормами адата, генеалогическая иерархия племенных и родовых групп, внеэкономические формы принуждения (саун, аманат-мал, сыбага и т. д.), совет биев и старшин и т. п.

Наличие патриархально-родовых пережитков, которые замаскировывали классовые общественные противоречия, по мнению ученого, объясняют многие непонятные на первый взгляд коллизии движения. Во-первых, родовые обычаи и узы, которыми переплетались все социальные группы (в том числе антагонистические в материальном отношении), мешали размежеванию сил, в итоге управление родовыми общинами и руководство движением сосредотачивалось в руках признанных делегатов – высших социальных слоев, в данном случае – биев (Срыма Датова). М.П. Вяткин, ссылаясь на сведения Я. Гавердовского, пишет: «О его богатстве... дает некоторое представление тот ас (поминки в годовщину. – Ж. М.), который был справлен по нему после его смерти. Ас по Срымму стоил наследникам и родным 3000 овец, до 300 лошадей, до 6000 ведер кумыса, нескольких кибиток, панцырей и множества других вещей» (Вяткин, 1947: 194–195). Во второй половине XVIII в. бийская группа, обеспокоенная сужением кочевых маршрутов, вызванных правительственными указами от 1742 г. и приведших к земельному кризису, который в свою очередь спровоцировал появление антиханских настроений, «созревает» до введения на территории Младшего жуза новых форм казахской государственности путем отказа от ханского управления и передачи рычагов власти съезду биев и старшин.

Данное обстоятельство не помешало автору сделать вывод о народном характере крестьянской войны под руководством Срыма Датова, так как, с одной стороны, «огромную роль играл земельный вопрос», с другой – «народная осно-

ва борьбы позволила Срымму поставить вопрос о ликвидации ханской власти» (Вяткин 1947: 217–218). Причина парадоксальности и противоречивости на первый взгляд вывода ученого – «Срым Датов – вождь народного движения» – объясняется, видимо, следующим образом. М.П. Вяткин, оказавшись зажатым в тисках классового подхода, был вынужден искать классовую природу конфликта там, где она не могла иметь ярко выраженной формы. Ведь недовольный политикой родоправителя кочевник мог в знак протеста откочевать в любое время года и в любом направлении. В кочевом обществе противоречия редко выступали в форме вооруженной борьбы, они сглаживались обычно-правовыми институтами. Поэтому классовый подход в объяснении национально-освободительных движений казахов не помогал, а скорее усложнял задачу исследователя: «Срым Датов – богатый родоправитель, бий, «эксплуататор» и руководитель народного движения» в одном лице. Отсюда понятно желание М.П. Вяткина сгладить это противоречие патриархально-родовыми пережитками общества.

Во-вторых, ученый видит связь между патриархально-родовыми пережитками и участием широких масс кочевников в движении в том, что в традиционном сознании народа бий являлся общепризнанной популярной фигурой. Бий – почетное звание, авторитетное лицо, непререкаемый судья: априори казахи доверяют ему свои кровные интересы и заботы, будучи уверены в том, что лучше него защитить и отстоять будущее общины не сможет никто. Понятен замысел ученого, когда он приводит народные сказания о Срымме, полные неподдельной любви и надежды, рисующие его народным героем, борцом, оратором. В-третьих, несмотря на то, что Срым и его сторонники преследовали, в первую очередь, узко родовые интересы, активность масс прослеживалась практически на всех этапах движения. Данное обстоятельство, так же как и предыдущие, объяснялось патриархально-родовыми формами, которые предполагали солидарность всех членов кочевой общины. Стихийность, размежевание участников в ходе движения, изменение политической цели (от полной ликвидации ханской власти до пожелания «такого хана, какой их воле был бы послушен») и др. причины стали объективным фактором «разоблачения» призрачности единства интересов разных политических сил. Это, в свою очередь, позволило М.П. Вяткину сделать принципиальный вывод: «Движение Срыма мы должны оценить как явление революционно-освободительное в развитии

казахского общества (Вяткин, 1941: 212), классовый характер движения проявился в борьбе *не против родовых биев* (курсив мой. – Ж.М.), а против султанов, стоявших вне казахских общин» (Вяткин, 1947: 380). В целом, схожую характеристику со стороны М.П. Вяткина получили и другие движения казахов, возглавляемые биями, – И. Таймановым, Ж. Нурмухамедовым.

Взгляды ученого по этому вопросу были отражены в первом издании «Истории Казахской ССР» 1943 г., соавтором которого он являлся (История 1943). К работе над первым учебником по истории республики была привлечена группа специалистов из центральных научных институтов Москвы и Ленинграда, эвакуированная в Казахстан в годы Великой Отечественной войны, в числе которых были такие видные ученые, как А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин, М.П. Вяткин и др. С казахстанской стороны в работе под научным проектом принимали участие Е.Б. Бекмаханов, И. Омаров и др. Жаркие споры и дискуссии среди авторов вызывали многие вопросы истории казахов, среди которых стоит особо отметить следующие: характер, причины и ход присоединения Казахстана к России («наименьшее зло» или «сговор казахской феодальной верхушки с царским правительством»); время формирования казахской народности (до или после образования Казахского ханства). Пожалуй, одним из немногих вопросов, по которым ученым удалось выработать единую позицию, стал вопрос о движениях казахов XVIII–XIX вв., которые характеризовались как антиколониальные и национально-освободительные, вне зависимости от степени и активности участия в них полярных классовых сил, так как «элементы социальной борьбы не играли роли» (История, 1943: 329). Концептуальный подход при освещении национальных движений в советской историографии того времени был высказан А.М. Панкратовой: «Национальные освободительные движения в Казахстане проходят через весь колониальный период казахской истории. Их можно разбить на три периода: борьба против завоевания и колонизации Казахстана с середины XVIII в. до конца XIX в.; национально-революционное движение в годы первой русской революции 1905–1907 гг.; массовое национально-освободительное восстание 1916 г., непосредственно предшествовавшее Октябрьской революции» (Панкратов, 1943: 22).

Основные задачи выступлений казахов, по мысли авторов учебника, заключались в «соз-

дании независимого Казахского ханства, против наступавшего русского царизма, против тех представителей казахской знати, которые становились на сторону царского правительства» (История, 1943: 329). Конечно, в годы Великой Отечественной войны, когда особенно актуализировались вопросы советского патриотизма, «нерушимости дружбы и единства исторических судеб народов, живших в Советском Союзе», трактовка закономерностей исторического развития казахов сквозь призму борьбы за свою независимость объективно не могла не вызвать критику со стороны как партийных, так и научных организаций.

Поэтому неудивительно, что первое издание по истории Казахстана и в первую очередь вопросы по истории национально-освободительных движений подверглись массивной критике со стороны как партийных органов, так и историков. Резюмировать критические выступления в адрес авторов учебника можно словами профессора С.К. Бушуева, который, в частности, отмечал: «Книга антирусская, так как она идеализирует национальные восстания против России» (Иванов 1988).

Огульные обвинения, показательные осуждения «политически невыдержанных» исследований с участием ответственных партийных работников, наклеивание необоснованных ярлыков, конечно же, не могли не привести к морально-психологическому дискомфорту, естественной обиде, появлению чувства научной неполноценности, неостребованности среди целой плеяды замечательных ученых.

Некоторые ученые (М.П. Вяткин, Е.Б. Бекмаханов и др.) под давлением были вынуждены поменять свои научные взгляды (или продемонстрировать, что они их поменяли). Так, в 1952 г. появляется «покаянная» статья М.П. Вяткина, в которой автор признавал грубые ошибки, допущенные при оценке национальных движений (Вяткин 1952). В статье встречается ряд положений, недостаточно аргументированных и явно декларативных, со ссылкой на работы И.В. Сталина, доказывающих зависимость автора от утвердившихся в исторической науке шаблонов и не отражающих его истинной научной позиции. Несмотря на идеологический диктат, конъюнктуру в исторической науке, научный вакуум (к написанию третьего издания истории Казахской ССР его не пригласили), М.П. Вяткин старался оставаться верным своим научным убеждениям.

Заключение

Таким образом, в начале 1940-х гг. появились работы, отличающиеся новизной исследовательских подходов, широтой выводов, основывающихся на глубоком изучении первоисточников. Именно к таким можно смело отнести исследования М.П. Вяткина, внесшие значительный вклад в разработку методологических подходов при анализе народно-освободительных движений кочевников. Благодаря М.П. Вяткину советская историография 1930–1950-х гг. смогла поставить и решить целый комплекс проблем, в том числе, исследовать один из таких трудных для теоретического осмысления явлений, как народные движения казахов. Несмотря на господствовавший к тому времени в советской исторической науке теоретико-методологический подход в отношении народно-освободительных движений кочевников под руководством батыров, биев и султанов как выступлений, носящих «националистический» и

антирусский характер, профессору М.П. Вяткину удалось, используя огромный массив первоисточников, включая данные казахских шежире, показать выступления казахов Младшего жуза под предводительством Срыма Датова как национально-освободительные, в которых лидеры движения были не «попутчиками», не врагами, а выразителями интересов простых шаруа. Уверена, такой научно-методологический подход в исследовании этого сложного в теоретическом отношении вопроса стал основным в современной казахстанской исторической науке. И в этом огромная заслуга М.П. Вяткина. Несмотря на то, что с момента выхода этой монографии прошло немало времени, не станет преувеличением тот факт, что труды М.П. Вяткина и сегодня являются лучшими в этом вопросе и лишние раз доказывают высочайшую квалификацию ученого, его желание сохранить академичность, научность подходов. Положение ученого такого уровня в исследовании истории движений можно и сегодня назвать монопольным.

Литература

- Вяткин М.П. (1940). Казахское общество в середине XVIII в. // Известия Казахстанского филиала АН СССР. Сер. истор. Алма-Ата.
- Вяткин М.П. (1940). Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII – нач. XIX в. // Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. 4. Москва; Ленинград.
- Вяткин М.П. (1941). Казахстан – колония царизма. Ученые записки. Алма-Ата.
- Вяткин М.П. (1941). Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. Ленинград.
- Вяткин М.П. (1945). К вопросу о крестьянских войнах в Казахстане. Вопросы истории. № 3–4. С. 72–85.
- Вяткин М.П. (1947). Батыр Срым. М.; Л.
- Вяткин М.П. (1952). Письмо в редакцию. Вопросы истории. № 2. С. 157–159.
- Вяткин М.П. (1974). Социально-экономическое развитие Средней Азии (Историографический очерк 1865–1965 гг.). Фрунзе.
- Иванов П.П. (1935). Очерк истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков: Сборник. Тр. ин-та восток-я. Т. VII. Москва- Ленинград.
- Иванов Ю.Ф. (1988). Письма Анны Михайловны Панкратовой. Вопросы истории. № 11. С. 54–79.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. (1938). Москва.
- История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней (1943) / Под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата.
- Казахская Советская Социалистическая Республика (1938) / Под ред. Б. Мустафина, Н. Тимофеева. Алма-Ата.
- Казахская Советская Социалистическая Республика (1939) / Под ред. Н. Тимофеева. Изд. 2-е, исп. и доп. Алма-Ата.
- Казахская ССР (1941). Москва.
- Краткий курс истории СССР (1937). Под ред. А.В. Шестакова. Москва.
- Нечкина М., Поляков Ю., Черепнин Л. (1961). Некоторые вопросы истории советской исторической науки. Коммунист. № 9. С. 58-70.
- Панкратова А.М. (1943). Основные вопросы истории Казахской ССР (К выходу в свет книги «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней»). Большевик Казахстана. № 10. С. 17–25; № 11–12. С. 22–31.
- Сталин И.В. (1946). Сочинения. Т. 1. Москва.
- 20 лет Казахской ССР (1940) / Под общ. ред. Я. Важника. Алма-Ата.
- 20 лет Казахстана (1940). Алма-Ата.

References

- Vyatkin M.P. (1940). *Kazakhskoye obshchestvo v seredine XVIII v. Izvestiya Kazakhstanskogo filiala AN SSSR. Ser. istor.* [The Kazakh society in the middle of the 18th century. News of the Kazakhstan branch Academy of Sciences of the USSR. Hist. series]. Alma-Ata.
- Vyatkin M.P. (1940). *Politicheskiy krizis i khozyaystvennyy upadok v Maloy orde v kontse XVIII – nach. XIX v. Materialy po istorii Kazakhskoy SSR (1785–1828 gg.)* [Political crisis and economic decline in the Small horde at the end of XVIII – the head of the 19th century. Materials on history of the Kazakh SSR (1785–1828 years)]. T. 4. Moskva; Leningrad.
- Vyatkin M.P. (1941). *Kazakhstan – koloniya tsarizma. Uchenyye zapiski* [Kazakhstan – colony of a tsarism. Scientific notes]. Alma-Ata.
- Vyatkin M.P. (1941). *Ocherki po istorii Kazakhskoy SSR* [Sketches on history of the Kazakh SSR]. T. 1. Leningrad.
- Vyatkin M.P. (1945). *K voprosu o krestianskikh voynakh v Kazakhstane. Voprosy istorii* [To a question of peasant wars in Kazakhstan. History Questions]. № 3–4. S. 72–85.
- Vyatkin M.P. (1947). *Batyr Srym* [Batyr Srym]. Moskva; Leningrad.
- Vyatkin M.P. (1952). *Pismo v redaktsiyu. Voprosy istorii* [Letter to the editorial office. History Questions]. № 2. S. 157–159.
- Vyatkin M.P. (1974). *Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye Sredney Azii (Istoriograficheskiy ocherk 1865–1965 gg.)* [Social and economic development of Central Asia (Historiographic sketch of 1865–1965 years)]. Frunze.
- Ivanov P.P. (1935). *Ocherk istorii karakalpakov. Materialy po istorii karakalpakov: Sbornik. Tr. in-ta vostok-ya* [Sketch of history of Karakalpak. Materials on history of Karakalpak: Collection. Works of institute of oriental studies]. T. VII. M.; L.
- Ivanov Yu.F. (1988). *Pisma Anny Mikhaylovny Pankratovoy. Voprosy istorii* [Anna Mikhaylovna Pankratova's letters // History Questions]. № 11. S. 54–79.
- Istoriya Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bolshevikov). Kratkiy kurs. (1938).* [History of the All-Union Communist Party (bolsheviks). Short course]. Moskva.
- Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney (1943). Pod red. M. Abdykalykova. A. Pankratovoy* [History of the Kazakh SSR since the most ancient times up to now. Under M. Abdykalykov, A. Pankratova's edition]. Alma-Ata.
- Kazakhskaya Sovetskaya Sotsialisticheskaya Respublika (1938). Pod red. B. Mustafina. N. Timofeyeva* [The Kazakh Soviet Socialist Republic. Under B. Mustafin, N. Timofeev's edition]. Alma-Ata.
- Kazakhskaya Sovetskaya Sotsialisticheskaya Respublika (1939). Pod red. N. Timofeyeva. Izd. 2-e. isp. i dop.* [The Kazakh Soviet Socialist Republic / Under N. Timofeyeva]. Alma-Ata.
- Kazakhskaya SSR. (1941). [Kazakh SSR]. Moskva.*
- Kratkiy kurs istorii SSSR (1937). Pod red. A.V. Shestakova* [Short course of history of the USSR. Under A.V. Shestakova]. Moskva.
- Nechkina M., Polyakov Yu., Cherepnin L. (1961). *Nekotoryye voprosy istorii sovetskoy istoricheskoy nauki. Kommunist* [Some questions of history of the Soviet historical science. Communist]. № 9. S. 58–70.
- Pankratova A.M. (1943). *Osnovnyye voprosy istorii Kazakhskoy SSR (K vykhodu v svet knigi «Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney»)*. *Bolshevik Kazakhstana* [The main questions of history of the Kazakh SSR (To issue of the book «History of the Kazakh SSR since the Most Ancient Times Up to Now»). *The Bolshevik of Kazakhstan*]. № 10. S. 17–25; № 11–12. S. 22–31.
- Stalin I.V. (1946). *Sochineniya* [Compositions]. T. 1. Moskva.
- 20 let Kazakhskoy SSR (1940). Pod obshch. red. Ya. Vazhnika* [20 years of the Kazakh SSR. Under Ya. Vazhnika]. Alma-Ata.
- 20 let Kazakhstana. (1940). [20 years of Kazakhstan]. Alma-Ata.*